

SOME OBSERVATIONS ON THE PROCESS OF PENETRATIONS ON THE MODERN HISTORICAL SCIENCE OF THE CONCEPTS OF “POWER”

The article is devoted to the analysis of points of view on the emergence of modern Russian historiography of the term power. The authors through the use of methods historiography analysis justify the reasons for the nomination of the different perspectives and formulate its own position on the issue. They contend continuity historiography process in Russia during XX – beginning of XXI century in the study of the phenomenon of power.

Key words: historiography; scientific discourse; the term power; discontinuity and continuity of Russian historical science.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

С. В. Смирнов

«РУССКИЙ ЦАРЬ И ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР»: РУССКОЕ МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАНЬЧЖОУ-ГО

Статья посвящена русскому эмигрантскому монархическому движению на северо-востоке Китая. Рассматриваются проблемы взаимоотношений русского монархического движения и японских властей в Маньчжоу-го (1932–1945), русской монархической идеи и идеологии ван дао, как основы строительства «общего дома» наций Маньчжурской империи.

Ключевые слова: русское монархическое движение; легитимистское движение; Корпус Императорской Армии и Флота; паназиатизм; ван дао; русская эмиграция; Маньчжоу-го.

Первые русские монархические организации появились в Маньчжурии (северо-восток Китая) в начале 1920-х гг. Это были действовавшие в Харбине «Дальневосточный монархический союз» и «Монархическая народная партия»³³⁷. Крайне малочисленные, не имевшие серьезной финансовой базы и существенной поддержки среди населения

Смирнов Сергей Викторович, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Smirnov Sergey, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: smimov_sergei@mail.ru.

³³⁷ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 34913: Л. 4, 138.

ния. они не могли претендовать на заметную роль в политической жизни эмиграции, даже в условиях, когда большая часть русских в Маньчжурии оставались приверженцами традиционных монархических взглядов.

Проникшее на Дальний Восток из Европы монархическое движение, оформившееся на Рейхенгальском съезде 1922 г., также первоначально не имело большого успеха. Генерал-майор Ф. А. Риттих, в прошлом инспектор классов Пажеского корпуса, прибывший в 1922 г. на Дальний Восток в качестве представителя Блюстителя Государева престола Великого Князя Кирилла Владимировича с целью организации легитимистского движения, был очень осторожен и мало верил в успех своей предприятия. Причиной чему в немалой степени являлась негативная реакция белого Приморья во главе с генералом М. К. Дитерихсом на самовыдвижение ВК Кирилла Владимировича в качестве возможного наследника императорского престола. Поэтому пребывание Риттиха на Дальнем Востоке осталось практически незамеченным.

По предложению Риттиха представительство ВК Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке принял на себя полковник Н. Л. Жадвойн (в 1920 г. глава контрразведывательного отдела штаба Дальневосточной армии генерала Н. А. Лохвицкого), к слову сказать, выпускник Пажеского корпуса. В Харбине было опубликовано воззвание Великого Князя, не получившее, впрочем, большого отклика, и в состав организации первоначально вошло лишь 37 человек³³⁸.

В последующие годы ситуация для развития монархического движения в Маньчжурии была не очень благоприятной. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, в целом негативное отношение со стороны китайских властей Особого района Восточных провинций (ОРВП, Маньчжурия) к политической деятельности эмиграции. Во-вторых, установление в конце 1924 г. советско-китайского управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), в связи с чем в регионе заметно усилилось советское влияние и возросло давление на белоэмигрантов. В-третьих, раскол в самом монархическом движении (и так далеко от единства) после принятия Кириллом Владимировичем титула российского императора в 1924 г. Стремясь возглавить Русскую Армию, Кирилл Владимирович в апреле 1924 г. призвал всех воинских чинов присоединиться к законопослушному движению, им возглавляемому, и в дальнейшем следовать только его указаниям. Для объединения армии вокруг Государя создавался Корпус офицеров императорской армии и флота (КИАФ), ставший конкурентом для Высшего монархического совета (создан на Рейхенгальском

---

³³⁸ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: л. 225.

съезде 1922 г.). претендовавшего на контроль над Русской Армией. В сентябре того же года под руководством генерала П. Н. Врангеля был сформирован Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), как новая форма объединения русских вооруженных сил за рубежом. В конце года ВК Николай Николаевич, бывший главнокомандующий Императорской армией, заявил о своем возглавлении армии и всех военных организаций. Так сформировалось противостояние между двумя группами белого движения – легитимистами во главе с ВК Кириллом Владимировичем и КИАФ, как его военным отделом, и РОВС, стоявшем на позициях «армия вне политики» и не связывавшим себя с определенной фигурой на императорском престоле.

Полковник Жадвойн, согласно сведениям советской разведки, тесно связанный с деятельностью т.н. «Таёжного штаба», координировавшего белую партизанскую деятельность в приграничных с СССР районах³³⁹, опасаясь большевиков, выехал в 1924 г. в Чаньчунь, позднее в Мукден (столица ОРВП) и Шанхай³⁴⁰. В качестве его заместителя в Харбине остался Георгиевский кавалер генерал-майор А. В. Эглай³⁴¹. Численность маньчжурского Союза легитимистов несколько выросла, но по-прежнему оставалась незначительной – не более ста человек. К тому же разгорелась борьба с приверженцами ВК Николая Николаевича, к которому тяготела основная масса русских офицеров не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Представителем ВК Николая Николаевича в Маньчжурии являлся генерал от кавалерии М. М. Плешков (до 1927 г.), а в целом на Дальнем Востоке – генерал-майор Генштаба П. Г. Бурлин³⁴². Стоит также отметить, что в казачьей среде, традиционно монархической, легитимистское движение не получило большой поддержки, в отличие от РОВС, на который ориентировалась часть казачества.

В середине 1920-х гг. в легитимистское движение в Маньчжурии вошли новые люди, особенно важную роль стал играть генерал-майор Генштаба К. К. Акинтьевский (в 1920 г. начальник штаба Дальневосточной армии в Забайкалье), вовлекший в движение целый ряд старших офицеров Генерального Штаба и будущего главы маньчжурского отделения КИАФ генерал-лейтенанта В. А. Кислицина. Акинтьевского многие считали «серым кардиналом» легитимистского движения в Маньчжурии, направлявшим его деятельность.

---

³³⁹ Антонов 2005.

³⁴⁰ В Шанхае полковник (генерал-майор производства Сен-Бриака) Жадвойн также будет выполнять функции представителя Его Императорского Высочества вел.кн. Кирилла Владимировича.

³⁴¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. – Д. 46300: Л. 225.

³⁴² ГАРФ – Ф. Р-6534. Володченко Н. Г. – Оп. 1. – Д. 5: Л. 9.

В конце 1920-х гг. на фоне обострения советско-китайских отношений заметно усилилась политизация русской эмигрантской общины в Маньчжурии. Увеличилась численность антисоветских политических организаций, в приграничных с СССР районах стали создаваться боевые отряды из радикально настроенных эмигрантов. В 1929 г. официально оформился маньчжурский отдел КИАФ во главе с генералом Кислициным, ставшим представителем Его Императорского Высочества ВК Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке. В период советско-китайского вооруженного конфликта вокруг КВЖД (лето-осень 1929 г.) Кислицин сформировал несколько вооруженных отрядов для борьбы против большевиков³⁴³, которые в дальнейшем, по видимому, так и не приняли участие в вооруженных столкновениях.

Приход в руководство легитимистским движением генерала Кислицина обеспечил численный рост легитимистов, в немалой степени за счет русских кадров железнодорожной полиции, где служил и сам Кислицин. Увеличению численности легитимистов способствовали также смерть в 1929 г. ВК Николая Николаевича и генерала Врангеля, и наметившееся было сближение между РОВС и движением легитимистов. В 1930–1931 гг. численность легитимистов в Маньчжурии по разным оценкам составила от 1 до 2,5 тысяч человек³⁴⁴. Между тем, направляющая роль в деятельности легитимистского движения на северо-востоке Китая по-прежнему сохранилась в руках заместителя главы маньчжурского отдела КИАФ генерала Акингисевского, который якобы именовал Кислицина «всадником без головы»³⁴⁵.

На рубеже 1920-х – 30-х гг. численность открытых приверженцев монархической идеи в эмигрантской среде заметно увеличилась. Многие из этих приверженцев просто боялись демонстрировать свои взгляды в период расцвета советского влияния в Маньчжурии. В 1929 г. «монархическое лицо» приобрела крупнейшая антисоветская молодежная организация Харбина (имевшая свои отделения на некоторых станциях КВЖД) – Союз мушкетеров, получивший шефство ВК Никиты Александровича. Заметно упрочились позиции русских разведчиков самостоятельного течения в скаутском движении, строго придерживавшегося монархических принципов.

Национальная организация русских разведчиков (НОРР), возглавляемая полковником П. Н. Богдановичем, и имевшая штаб-квартиру в Париже, относила времена своего создания к Петру I и его «потешным». Шефом организации являлся ВК Александр Михайло-

---

³⁴³ Кислицин 2010: 14.

³⁴⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. – Д. 46300: Л. 226.

³⁴⁵ Там же: Л. 227.

вич, а после его смерти в 1933 г. его жена – ВК Ксения Александровна (мать ВК Никиты Александровича). Вся символика НОРР также выражала ее монархический характер: знаком организации был Ополченческий крест с вензелем императора Петра I. призывом – «За Веру, Царя и Отечество», праздником – День Преображения Господня, маршем – Преображенский марш и т.д. В Походной песне русских разведчиков в Маньчжурии были такие слова: «Братья, защитники Русского Трона. Съ грознымъ паролемъ – МОСКВА – Станемъ мы дружно подъ Руси знамена, Въ ногу, ребята: разь-два, разь-два»³⁴⁶.

Первый отряд разведчиков появился в Харбине в 1926 г., а в 1931 г. их количество увеличилось до пяти (один отряд из девочек-разведчиц)³⁴⁷.

После вторжения в Маньчжурию в сентябре 1931 г. японской Квантунской армии и провозглашения на территории бывшего ОРВП в марте 1932 г. независимого маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го, для политически активной части русской эмиграции, проживавшей на северо-востоке Китая, сложилась очень благоприятная ситуация. Были легализованы эмигрантские политические организации, выросла их численность, заметно усилилась роль в жизни эмигрантской общины. Монархическое движение не стало исключением, именно на начало 1930-х гг. пришелся его расцвет.

Центральное место в монархическом движении в Маньчжурии занял Союз легитимистов, завершивший в это время свое оформление. Военную часть Союза (Корпус императорской армии и флота) возглавлял генерал Кислицин, одновременно являвшийся представителем ВК Кирилла Владимировича, гражданскую – генерал Эглау (заместитель – Н. П. Чистосердов, губернатор Перми при колчаковском правительстве). КИАФ разбивался на отделения по родам войск, имел молодежное отделение (Союз монархической молодежи) и учебный отряд, готовивший унтер-офицерские кадры из эмигрантской молодежи. Региональные подразделения КИАФ располагались на западной и восточной линиях КВЖД (Хайлар, Цицикар, станции Имяньпо, Яблоня, Пограничная и др.), в Мукдене и Трехречье. Союз легитимистов имел свой печатный орган – газету «Грядущая Россия»³⁴⁸.

Руководство Союза вело активную пропаганду легитимистских идей, стремилось вовлечь в движение молодежь, давая ей возможность получить азы военного образования: организовывало заочное обучение для офицеров на Высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Голо-

---

³⁴⁶ Часовой 1932: 22.

³⁴⁷ Лукин 1936: 11, 13.

³⁴⁸ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 36873: л. 44; Д. 37356: л. 39.

вина (Париж). Деятельность Союза была в известной степени бюрократизирована: ее руководство постоянно отчитывалось о проведенных мероприятиях перед Сен-Бриаком (резиденция ВК Кирилла Владимировича), получало очередные приказы, удостоивалось высших благоволений и новых чинов. В частности, Кислицин приказом ВК Кирилла Владимировича был произведен в генералы от кавалерии. Как с большим ехидством отмечалось в некоторых эмигрантских кругах, этот чин был давно желаем Кислицыным, и отказ в свое время атамана Семенова осуществить это производство привело к охлаждению отношений Кислицина с атаманом.

Другими крупными монархическими организациями Маньчжоу-го были РОВС, тесно с ним связанное Маньчжурское отделение НОРР, имевшее к середине 1930-х гг. в своем составе 3 территориальных отдела и 16 отрядов, Союз мушкетеров, отделение Партии младороссов, казачьи объединения – Восточный казачий союз и Союз казаков на Дальнем Востоке. Но деятельность этих организаций во многом была лишь видимостью борьбы за освобождение России от «большевистского ига». Антисоветскому движению не хватало единства. Внутренние противоречия, конкуренция между различными организациями, отсутствие лиц, способных сплотить вокруг себя всех эмигрантов, слабость внешней поддержки (и разное отношение к ней среди эмигрантов), разлагающая деятельность советской разведки заметно ослабляли боевой потенциал эмиграции. Попытки объединения предпринимались, но они были неэффективными.

Активная поддержка ВК Кириллом Владимировичем младоросского движения разрушила намечившееся было объединение с РОВС, для которого позиция младороссов, выступивших за идократическую (очень созвучную с социалистической) монархию, «покушалась на самую суть борьбы с угнетателями России». Предложение из Сен-Бриака объединиться с отделением Партии младороссов, возникшим в Харбине в 1932 г., вызвало недовольство в маньчжурском отделе КИ-АФ. Главным противником младороссов выступил генерал Акинтьевский, тогда как Кислицин предложение из штаб-квартиры воспринял как приказ³⁴⁹. В связи с чем начались трения внутри легитимистской организации в Маньчжурии.

В это же время в русских политических кругах Маньчжурии активно обсуждалась проблема объединения всех политических сил эмиграции в рамках единой организации, в чем большую заинтересованность проявляли и японцы.

---

³⁴⁹ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: л. 228.

Японский паназиатизм, как основа внешней политики страны с начала XX в., предполагал объединение братских народов Восточной Азии вокруг наиболее передового и развитого государства региона – Японии, возглавляемой богоподобным императором. Маньчжоу-го, многонациональное в своей основе, стало настоящей лабораторией для реализации идеи паназиатизма. Пять наций Маньчжоу-го – китайцы, маньчжуры, монголы, японцы и корейцы – должны были взаимно интегрироваться и создать новую национально-культурную общность, большую семью во главе с императором, отцом этой семьи. В перспективе вся Восточная Азия для населяющих ее народов должна была превратиться в «общий дом» под эгидой японской монархии, обладающей теми же патерналистскими функциями.

Таким образом, в своей деятельности в Маньчжоу-го японцы исходили из двух взаимосвязанных идей. Идеи ван дао (императорского пути) – особой мироустроительной роли японского императора и идеи «общего дома» братских наций Маньчжоу-го. Русские эмигранты, входившие в категорию «иностранцы», первоначально не были включены в братскую семью наций Маньчжоу-го, но, тем не менее, и для них не был закрыт путь интеграции в эту общность. К тому же для японцев «бело-эмигранты» являлись естественным союзником в борьбе с главным мировым злом – Коминтерном. Стремясь полнее использовать военно-политический потенциал эмиграции, японские власти очень позитивно отнеслись к идее объединения русских в Маньчжоу-го на политической основе и, когда этот процесс зашел в тупик из-за многочисленных разногласий между различными политическими группами эмиграции, возглавили его.

Согласно секретным сводкам Иностранного отдела ОГПУ, в 1934 г. состоялось инициированное японцами совещание представителей основных политических сил русской общины Маньчжоу-го, в результате чего было принято решение о создании русского отдела «Дайнихон сейгидан» (Великого японского союза справедливости), общественной организации, основанной на принципах «классового мира» и паназиатизма. Русский отдел Дайнихон сейгидан получил название «Русское национальное объединение борьбы за правду»³⁵⁰. Создание этого объединения стало решающим шагом к организации в декабре 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), эмигрантской администрации, ведавшей всеми сферами жизни русской общины Маньчжоу-го.

Политическими силами, принявшими непосредственное участие в оформлении Русского национального объединения борьбы за правду,

---

³⁵⁰ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Конверт 274: л. 3.

являлись легитимисты во главе с генералом Кислицыным, казаки, признававшие верховенство атамана Г. М. Семенова (Союз казаков на Дальнем Востоке под председательством генерала А. П. Бакшеева), и фашисты (Русская фашистская партия, возглавлявшаяся К. В. Родзаевским)³⁵¹. Объединение проигнорировали Харбинский отдел РОВС и входивший в его состав антисеменовский Восточный казачий союз, которые еще в конце 1920-х гг. поддержали другую объединительную инициативу в рамках созданного с центром в Пекине Дальневосточного объединения эмиграции под президентством генерала Д. Л. Хорвата. Отделения Дальневосточного объединения эмиграции под названием «Русские национальные общины» (РНО) действовали практически во всех районах проживания русских эмигрантов в Китае.

Подчеркивая необходимость создания единого эмигрантского фронта, генерал Кислицын в том числе и на страницах эмигрантской прессы прямо заявил, что готов объединиться со всеми политическими силами, являющимися врагами большевиков, для освобождения Родины. По информации дальневосточного корреспондента журнала «Часовой» (печатный орган РОВС), в 1934 г. в Харбине на празднике кавалеров ордена Св. Георгия произошла встреча генералов Вержбицкого, начальника Харбинского отдела РОВС, и Кислицына. На этой встрече было объявлено об объединении РОВС и легитимистов. Как отмечал с большим воодушевлением корреспондент, «генералы Вержбицкий и Кислицын обмениваются троекратным поцелуем, открывающим новую эру во взаимоотношениях двух крупных русских эмигрантских организаций, сумевших, наконец, встать на путь взаимного сотрудничества»³⁵². Нужно сказать, что в будущем это объединение не принесло реальных плодов.

Вполне однозначными были высказывания генерала Кислицына за союз дальневосточной эмиграции с Японией. В четырнадцатом номере легитимистской газеты «Грядущая Россия» за 1934 г. была помещена статья генерала, где, в частности, говорилось: «Ныне, отдавая свои силы на борьбу за освобождение нашей Родины, я считаю необходимым сказать, что дружба с великим Ниппонским народом, осыщенная кровью на полях Великой Войны и Сибири, еще сильна в наших сердцах и что только в тесном единении с нашими союзниками – залог успеха нашей работы здесь на Дальнем Востоке... Не верьте, русские люди, наветам провокаторов, стремящимся вбить клин и поссорить русских эмигрантов с ниппонским народом. Перед лицом страшного врага, кровавого Коминтерна, еще теснее скрепим эту

---

³⁵¹ Там же: Л. 3.

³⁵² Часовой 1934: 29.

дружбу. твердо веря, что только в тесном единении с народами Ниппон и Маньчжу-Ти-го – наше лучшее будущее»³⁵³. В 1935 г. в шанхайском журнале «Армия и флот», издававшемся под редакцией полковника Н.В. Колесникова, было опубликовано второе открытое письмо (как указывалось, первое письмо вышло еще в 1934 г.) генерала Кислицина к русской эмиграции Китая. Содержание письма было весьма эмоциональным: «Я, генерал от кавалерии Кислицин, раненный четырнадцать раз в различных боях, открыто смотрящий смерти в лицо, заявляю, что кто бы ни выступил на борьбу со злейшим врагом всего мира “кровавым Коминтерном” – я первый пойду добровольцем рядовым на борьбу для защиты истерзанной, измученной Родины от ее тиранов-коммунистов... Я заявляю, что все легитимисты открыто выступят и окажут помощь всем тем, кто пойдет на войну со злейшим врагом всего мира – Коминтерном, и будут сражаться до последней капли крови, лишь бы уничтожить с лица земли эту нечисть и спасти Русский народ и восстановить Великую Россию»³⁵⁴.

Действия и заявления Кислицина вызвали негативную реакцию в Сен-Бриаке, и без того обеспокоенном саботажем маньчжурского отдела в отношении младороссов. Вслед за этим последовал выход Кислицина и сторонников его позиции (более 300 человек) из КИАФ, впрочем, сохранивших за собой наименование легитимистов. Было ли это желанием реабилитироваться перед японскими властями за «прокол» с младороссами, которых японцы считали скрытыми большевиками, или искренний порыв, вызванный пониманием того, что только при помощи внешней силы большевистский режим в России может рухнуть (ВК Кирилл Владимирович отрицательно относился к идее интервенции), – сложно сказать³⁵⁵.

После разрыва с Сен-Бриаком Кислицин был лишен штаб-квартирой всех своих чинов и званий и объявлен «предателем». Не осталась незамеченной и антимладороссовская деятельность генерала Акинтьевского, также исключенного из организации и получившего ярлык «изменника»³⁵⁶. Руководителем существенно поредевшего Маньчжурского отдела легитимистов стал генерал Эглау.

---

³⁵³ Грядущая Россия 1934: 2.

³⁵⁴ Колесников 1935: 61, 62.

³⁵⁵ В литературе, где в той или иной степени затрагивается фигура генерала Кислицина, встречаются диаметрально противоположные характеристики этого человека. Одни считают его выжившим из ума из-за многочисленных ранений и пьянства служакой, марионеткой японцев, другие – крупным политическим деятелем, сторонником русской национальной идеи, противостоявшим японской унификации.

³⁵⁶ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 228.

Вслед за организацией эмигрантского Бюро, призванного сплотить всех эмигрантов на основании соединения русской национальной идеи (с монархизмом как основной составляющей) и идеи «общего дома», началось давление на его идейных противников. В 1935 г. были ликвидированы Харбинский отдел РОВС³⁵⁷, Восточный казачий союз, отделение Партии младороссов, а часть их руководителей высланы за пределы Маньчжоу-го. В состав «персон нон грата» попали и некоторые из активных деятелей легитимистского движения, в частности, генерал Акинтьевский. Что касается генерала Кислицина, то он возглавил созданный в 1935 г. Дальневосточный союз военных, объединявший всех бывших русских военнослужащих Маньчжоу-го, и являвшийся 7-м военным отделом БРЭМ, а в 1938 г. стал начальником Главного БРЭМ. Движение легитимистов, добавив себе приставку «верноподданническое», чтобы отделить себя от легитимистов Кислицина, еще формально сохранялось, но было под постоянным наблюдением как недостаточно благонадежное.

Таким образом, в середине 1930-х гг. в эмигрантской среде Маньчжоу-го сложилась парадоксальная ситуация. Монархизм был закреплен в качестве обязательного элемента русской национальной идеи, стал важнейшей частью культурно-идеологического воспитания молодежи. И в то же время он утратил свой политический потенциал и зримое проявление в реальном наследнике российского престола. В эмигрантской среде особо почитались принявшие мученическую смерть император Николай II и члены его семьи³⁵⁸. Решение вопроса о приемнике престола предполагалось отнести ко времени возвращения в Россию. Японские власти в Маньчжурии, подчеркивая свое уважительное отношение к дому Романовых³⁵⁹, особенно к последнему государю, и слышать не хотели о ВК Кирилле Владимировиче в качестве российского императора, что предопределило окончательную судьбу легитимистского движения.

В 1936 г., не выдержав постоянного давления, Маньчжоу-го покинул глава легитимистского движения генерал Эглау. Новым и по-

---

³⁵⁷ Пужко отметить, что РОВС, несмотря на признание значения антикоммунистической деятельности Японии, считал ее экспансионистские устремления на Дальнем Востоке опасными для национальных интересов России, разделяя в чем-то возникшую в начале XX в. идею «желтой опасности».

³⁵⁸ Как это ни странно, в Пекине места погребения убитых в Алапаевске великих князей не имели опеки со стороны эмигрантских организаций, пахотились в весьма плачевном состоянии и посещались только в частном порядке.

³⁵⁹ Непосредственные связи между императорскими домами России и Японии установились во второй половине XIX в. До 1917 г. Японию посетили четыре члена дома Романовых, включая цесаревича Николая (будущего Николая II) и ВК Кирилла Владимировича в бытность его офицером Российского флота.

следним представителем Его Императорского Высочества ВК Кирилла Владимировича в Маньчжурии стал участник белого движения в Поволжье и Сибири штабс-капитан (с 1934 г. – подполковник производства Сен-Бриака) Ф. Н. Зорин. Он же являлся главой Ижевского объединения, включавшей в свой состав бывших повстанцев-ижевцев и участников белого движения, уроженцев этой территории. В это время в легитимистском движении осталось немногим более ста человек. Как отмечают эмигрантские материалы, практически никакой политической деятельности легитимисты не вели, ограничиваясь молебнами. Одновременно с легитимистами Зорина существовали еще несколько групп «законопослушных» монархистов – «группа легитимистов, не объединяющаяся вокруг определенного лица, а только идеологически считающая идеальной формой будущего Государства Российского законную монархию», группа династистов³⁶⁰. К тому же легитимистами по-прежнему себя считали сторонники Кислицина. Представители различных групп, согласно документам БРЭМ, «встречаются друг с другом и спорят без конца»³⁶¹.

В 1938 г. японские власти, чтобы ликвидировать всякую неподконтрольную им «монархическую возню», приняли решение о создании в Маньчжоу-го русского Монархического объединения, куда в обязательном порядке должны были войти все организации, стоявшие на монархической основе. Лидером Монархического объединения стал тесно связанный с японской жандармерией и разведкой штабс-капитан Б. Н. Шепунов, начавший свою политическую карьеру на ст. Пограничная, являвшейся одним из центров антисоветского партизанского движения. Одновременно «верноподданническим» легитимистам было запрещено даже проведение молебнов.

Попытка Зорина в мае 1938 г. организовать молебен по случаю тезоименнин ВК Кирилла Владимировича, очень смелая даже по оценке его противников, закончилась весьма печально. Он был вызван в Японскую военную миссию, где, по его собственному свидетельству, отразившемуся в документах БРЭМ, с ним обошлись очень грубо. «В самом начале, почему то, от него требовали, чтобы он встал на колени, это требовали от него уже семь раз. Он отказался. Далее на него набросились за его приверженность к Кириллу Владимировичу. Зачем его почитают за Императора России. “Ваш Кирилл младоросс, большевик”. Далее ему сказали, что японцы против великого князя, так как он разговаривает с французами и англичанами, а они враги Японии и поэтому враг и К. В. Японец, который с ним говорил, все больше горя-

---

³⁶⁰ ГАДАОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. – Д. 46300: Л. 228.

³⁶¹ Там же: Л. 229.

чился и под конец заявил: “плевать мы хотим на ваших Романовых и династию”, при этом плюнул и растер ногой»³⁶².

В августе 1938 г. Зорин по требованию властей был вынужден покинуть Харбин и перебраться в Шанхай. «Дело Зорина» всколыхнуло общественность Харбина. Согласно свидетельствам информаторов БРЭМ, многие считали, что высылка Зорина является явной несправедливостью. В то же время в отношении «шепуновского» Монархического объединения люди были настроены весьма негативно³⁶³.

Впрочем, недовольство в отношении прояпонского Монархического объединения изменить ситуацию уже не могло. После ликвидации остатков легитимистского движения Монархическое объединение, в состав которого вошли Дальневосточный союз военных, Союз казаков на Дальнем Востоке, Союз мушкетеров (переживший к этому времени раскол и резко сокративший свою численность), НОРР, Литературный кружок имени Августейшего поэта К.Р., осталась единственной официальной русской монархической организацией в Маньчжоуго.

Руководители Монархического объединения, также как и руководство БРЭМ продолжали использовать монархические лозунги и соответствующую риторику. В декларации Объединения заявлялось: «наша цель – Императорская Россия под скипетром Царя из Дома Романовых. Мы зовем всех под исконные и вечные знамена России с начертанным на них девизом – За Веру, Царя и Отечество!». И добавлялось: «Считаем своим долгом всемерно содействовать тому, чтобы грядущая Национальная Россия протянула дружескую руку великим империям Востока для заключения крепкого, длительного и неразрывного союза»³⁶⁴. Этому во многих своих выступлениях вторил начальник Бюро эмигрантов, генерал Кислицин. В качестве примера можно привести слова из его выступления на открытии лагеря русских разведчиков Восточного отдела Маньчжурского отделения НОРР в августе 1938 г.: «Ничего нерусского России не нужно! У России есть ее славный, единственный и неповторимый путь – монархия, единственная форма правления... Единомыслие nipпонского народа, нас – русских эмигрантов – монархистов и народов Манчжу-Ди-Го является залогом нашей близкой победы над страшным злом человечества – коммунизмом»³⁶⁵. Однако эти «карманные монархисты» не могли создать какой-либо конкуренции японским властям в Маньчжоуго.

---

³⁶² ГАДАОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 231.

³⁶³ Там же: Л. 252.

³⁶⁴ Часовой 1939: 20.

³⁶⁵ Там же: 19.

Установление полного контроля над русским монархическим движением (впрочем, как и фашистским) со стороны японских властей было обусловлено потребностями строительства «общего дома» в Маньчжоу-го, предполагавшего унификацию идейно-политической сферы.

Еще в 1932 г. единственной общественно-политической организацией Маньчжоу-го был объявлен Киовакай, призванный объединить многоэтническое население страны на основе принципов надклассовости и межнациональной гармонии вокруг императора Пу И (император с 1934 г., девиз правления – Кандэ). В 1939-1940 гг. русские эмигранты, ранее обозначаемые как «иностранные, получившие приют в гостеприимной Маньчжурии», были включены в структуру Киовакай и стали «полноправной пятой нацией Маньчжоу-го» (японцы перешли в категорию «старшего брата» по отношению к нациям Маньчжоу-го). Что должно было ускорить процесс интеграции русского сообщества (в том числе и идейно-политической) в братскую семью народов Маньчжурской империи.

Однако этот футуристический проект создания государства нового типа сразу столкнулся с множеством проблем, одной из которых являлась проблема японизации культурно-идеологического пространства Маньчжоу-го, якобы построенного на принципах межкультурной и межнациональной гармонии.

Во второй половине 1930-х гг. в Маньчжоу-го началось активное распространение японского языка. Его не только в обязательном порядке изучали в учебных заведениях, но и преподавали в кружках японского языка, ориентированных на различные группы взрослого населения страны. Японскими властями велась активная пропаганда японских культурных ценностей и японского образа жизни. В эмигрантской печати этого периода (ярким примером чему может служить издаваемый эмигрантским Бюро журнал «Луч Азии») постоянно размещались материалы, посвященные истории и различным сторонам жизни современной Японии. В 1940 г. центральное место в религиозно-ритуальной практике Маньчжоу-го занял японский синтоизм. В распорядок жизни учебных заведений и официальных учреждений страны были введены обязательные общегосударственные ритуалы, важнейшим из которых стал «сакирэй» – поклон в сторону резиденций японского и маньчжурского императоров. Сакирэем начинался учебный день в школах и вузах Маньчжоу-го. В Харбине, например, учащиеся, а они являлись главным объектом воспитания в духе идей «общего дома», раз в месяц посещали японский храм Харбин-Дзиндзя для

поклонения императорам³⁶⁶. Составной частью новой государственной символики являлось также почитание доблестных чинов Ниппонской Императорской армии и всех погибших в борьбе с Коминтерном. Существовали особые памятники, посвященные борцам с Коминтерном. – Чурейто, являвшиеся одним из ритуальных объектов Маньчжоу-го. Все это происходило на фоне роста японского населения в Маньчжоу-го, увеличивающегося за счет колонизации японцами главным образом приграничных с Кореей районов.

В новой ритуальной системе император превратился в ключевую фигуру, символ единства и благополучия нации, указывающий своему народу единственно верный путь развития, отца большой государственной семьи. В сборнике «Движение молодежи Кио-Ва», выпущенном для русского сектора организации, например, указывалось: «Родина – это большая семья, семья является малой родиной. Поэтому, через укрепление семьи в государстве, обязательно приходят к укреплению большой государственной семьи народов Маньчжу-Ди-Го, где делами этой большой семьи руководит один отец – ИМПЕРАТОР»³⁶⁷.

В новом контексте идейно-культурного развития Маньчжоу-го русский монархизм получал новый символ – маньчжурского, а точнее японского императора. По мере углубления процесса унификации идейно-культурной среды Маньчжоу-го на повестку дня встала ликвидация русского Монархического объединения, плохо вписывающегося в общий контекст. В 1942 г. Монархическое объединение было распущено, хотя деятельность Дальневосточного союза военных и Союза казаков на Дальнем Востоке, как организаций, выражавших интересы определенных корпоративных сообществ, еще продолжалась.

Мероприятия властей в отношении русской эмиграции порождали скрытое недовольство и идейный конфликт, который японцы, замкнутые на превосходстве своих национальных ценностей, не могли осознать в полной мере. Идейный конфликт усилил охранительные тенденции в жизни эмигрантского сообщества, но свое выражение они нашли не в монархизме, а в православии. Именно церковь возглавила недовольство эмиграции, направленное против японизации жизни общества. Ярким примером этого стало открытое выступление русских церковных иерархов Харбина в 1944 г. против введения в общегосударственную практику японского культа богини Амаэрасу, прародительницы императорской фамилии Японии. Встретив упорное сопротивление, в условиях нарастающих военных неудач на фронтах Тихоокеанской войны, японцы вынуждены были отступить.

---

³⁶⁶ Добролюбова 1995: 2.

³⁶⁷ Кио-Ва 1943: 42.

Таким образом, можно сделать вывод, что русское монархическое движение в Маньчжоу-го было изначально обречено на неудачу. Глобальная задача Японии по созданию «общего дома» в Восточной Азии, апробация проекта которого осуществлялась в Маньчжоу-го, предполагавшая идейно-культурную унификацию населявших регион народов, входила в противоречие с целью русского монархического движения – объединения всей русской эмиграции вокруг императорского дома Романовых для борьбы за освобождение России от большевистского режима. Свою роль здесь также сыграли неоднородность и внутреннее противостояние в русском монархическом движении, отсутствие единого мнения о стратегии борьбы с большевизмом и нередко – личностный фактор. В то же время, несмотря на поражение монархического движения в Маньчжоу-го, приверженность монархии («естественный монархизм») продолжала сохраняться в русской эмигрантской среде как один из важнейших наряду с православием факторов поддержания национально-культурной идентичности русского населения Маньчжоу-го.

Список источников и литературы

- ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Антонов 2005 – Антонов В. Об основных вехах жизни и деятельности полковника Дмитрия Федичкина // Резидент-дипломат. Независимая газета. Москва. 16 дек. 2005. URL: <http://svr.gov.ru/smi/smi.htm> (дата обращения: 02.04.2013).
- Грядущая Россия 1934 – Грядущая Россия. – Харбин, 1934. – № 14.
- Добролюбова 1995 – Добролюбова Е. О том, о сем, о позавчерашнем // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 1995. – № 19.
- Кио-Ва 1943 – Движение молодежи Кио-Ва. В 2 кн. – Б.м., 1943. – Кн. 1.
- Кислицин 2010 – Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. – Челябинск, 2010. – № 36.
- Колесников 1935 – Армия и флот. Под ред. Генерального Штаба полковника Н. В. Колесникова. – Шанхай, 1935. – № 4 (1195).
- Лукин 1936 – Краткий очерк истории состоящей под покровительством Е.И.В. Великой Княгини Ксении Александровны Национальной Организации Русских Разведчиков / Сост. Ю. Лукин. Харбин: Изд-во Нац. Орг. Русских Разведчиков, 1936.
- Часовой 1932 – Часовой. – Париж, 1932. – № 83.
- Часовой 1934 – Часовой. – Париж, 1934. – № 121.

Часовой 1939 – Часовой. – Париж, 1939. – № 228–229.

Sergey V. Smirnov

**«RUSSIAN TSAR AND JAPANESE EMPEROR»:
RUSSIAN MONARCHIC MOVEMENT IN MANCHUKUO**

The article focused on the Monarchic Movement of Russian Émigrés in North-East China. Deals with problems relationship Russian Monarchic Movement and Japanese authorities in Manchukuo (1932–1945), a Russian Monarchist idea and ideology of Wang Tao, as a basis for building a Common Home of Nations Manchurian Empire.

Key words: the Russian Royalist Movement; the Legitimistic Movement; the Corps of Empyrean Army and Fleet Officers; the Pan-Asianism; Wang Tao; Russian Émigrés; Manchukuo.

Код ВАК 12.00.01

E. С. Соколова

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦАРСКОГО ТИТУЛА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ
(20–70-е гг. XVII в.)**

Статья посвящена выявлению основных направлений законодательной политики первых Романовых в области моделирования политико-правовой семантики царского титула. Автор приходит к выводу об отсутствии в допетровской России XVII в. цельной теоретической конструкции титулования, способствующей ее последовательному использованию в качестве правовой гарантии укрепления государственного суверенитета.

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.